

Ли Сянфу опешил и вскинул голову, не понимая, что произошло. В этот момент Старик Ли под пристальным взглядом Ли Шаша в поте лица возился с гончарной глиной.

— Глаза и руки должны действовать сообща. На три доли вытягивания — семь долей вращения, формовка требует постепенности... Эх, ну что я говорил? Глаза опережают руки, вот неудача и неизбежна.

Старик Ли непрестанно напоминал себе о кровных узах с мальчиком, но этот непрерывный шепоток у него над ухом не прекращался с самого начала и, казалось, только набирал силу. Он глубоко вздохнул и с натянутой улыбкой произнес:

— Может, сам попробуешь? А дедушка тебе поможет.

— Я владею лишь теорией, — невозмутимо откликнулся Ли Шаша.

— ...

Сгребая глину обратно в кучу, Ли Шаша добавил:

— Продолжайте, я за вами присмотрю.

В ушах Старика Ли это прозвучало как: «Давай быстрее, я буду учить тебя делать дела».

До отъезда за границу Ли Сянфу отличался вспыльчивым и нетерпеливым нравом, а вернувшись, внезапно обрел феноменальное спокойствие. Какое-то время Старик Ли никак не мог понять, как жизнь за рубежом способна так сильно изменить человека. Теперь же, глядя на Ли Шаша, он все понял. Озарение снизошло на него.

Видя, что дед долго не шевелится, Ли Шаша покачал головой:

— Кинжал закаляется в огне, а слива зацветает в лютый мороз. Временная неудача — ничто. Дедушка, вы должны верить в себя.

Старик Ли наконец не выдержал, поднялся и подошел к Ли Сянфу:

— А тебе не кажется, что манеру этого ребенка постоянно читать нотации пора бы исправить?

— Нотации? — пренебрежительно отозвался Ли Сянфу. — Да вроде все в порядке.

Система хоть и являлась гением теории, покровительственные речи произносила не так уж и часто.

Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Старик Ли подозвал Ли Шаша к себе, а затем велел Ли Сянфу взяться за гончарное дело, дабы тот лично ощутил все на своей шкуре.

Ли Сянфу отказываться не стал, лишь попросил:

— Отодвиньтесь немного, пожалуйста, вы заслоняете свет.

Старик Ли послушно отступил на шаг в сторону.

К тому моменту Ли Сянфу уже спланировал плавность каждой линии. Его руки двигались уверенно и твердо, и по мере вращения круга комок глины обретал первые очертания.

Стоявший рядом Ли Шаша дал оценку:

— Точность движений идеальная, толщина стенок равномерная. Можно гладко переходить к обточке.

Старик Ли: «...»

Только что этот мальчишка бубнил ему совсем иное!

Затем Ли Сяньфу взял резец и приступил к тонкой отделке.

Не сводя глаз с работы, Ли Шаша удовлетворенно кивнул:

— Внутренняя и внешняя поверхности безупречно гладкие, даже следов швов не видать. — В конце он не удержался и восхищенно похлопал в ладоши: — Как говорится в стихах: «Его сияние и цвет от обычных вещей отличны». Папа, у тебя повадки истинного мастера!

Успешно завершив обточку, Ли Сяньфу выпрямился, отложил резец и, подняв глаза на Старика Ли, произнес:

— Каждая деталь должна доводиться до совершенства, тогда и придраться будет не к чему. Папа, ты просто слишком снисходителен к себе.

— ...

От автора: Слова автора бесплатны, читайте на здоровье!

«Заметки о Матриархате»: Битва за сад.

До своего переноса Ли Сяньфу и представить не мог, что поместье может быть настолько огромным, что его пределы не поддаются уму.

Слуги, рабочие, коридорные... Все вместе они насчитывали добротную сотню человек, и у каждого были четкие обязанности.

Будучи девятым ребенком в семье, Ли Сяньфу прошел путь от незаметного, жалкого сиротки до юноши, затмевающего остальных своим талантом, что, естественным образом, навлекло на него немало зависти и ненависти.

Родной отец Ли Сяньфу рано ушел из жизни. Формально мальчик числился на воспитании у одного из младших мужей главы дома. Однако у того был собственный ребенок. К тому же при жизни отца Ли Сяньфу они постоянно соперничали за благосклонность госпожи, поэтому к сироте младший муж относился скорее с жестокостью, чем с заботой.

По правилам Страны Матриархата во всех знатных домах юношам по достижении шестнадцати лет выделяли для проживания отдельный сад с павильонами.

Из тех садов, что оставались свободными в усадьбе, лучшим считался Сад Линьлан: мало того что он занимал огромную территорию, так еще и благодаря древнему исполинскому дереву там можно было спастись от летнего зноя.

В один год с Ли Сяньфу шестнадцатилетие отмечал и родной сын младшего мужа. В тот день младший муж позвал Ли Сяньфу к себе в покои и после короткой светской беседы произнес:

— Если считать по возрасту, ты старше Лошу почти на полмесяца. Как старший брат, я надеюсь, что ты будешь уступать и заботиться о младшем.

Ли Сянфу сразу понял, что речь идет о саде. Сам он склонялся к более отдаленному и тихому уголку, где ему было бы удобнее общаться с Системой, поэтому просто кивнул.

Заметив это, младший муж удовлетворенно усмехнулся и продолжил:

— Ты искусен в поэзии и живописи. По возможности я бы хотел, чтобы ты помог и Лошу завоевать добрую славу. Когда придет время выходить замуж, я обязуюсь приготовить для тебя богатое приданое.

Для мужчины, выходящего замуж, скудное приданое означало презрение общества. После смерти отца Ли Сянфу то немного, что у него оставалось, давным-давно растащили и поделили. Младший муж полагал, что этот рычаг позволит ему крепко держать Ли Сянфу в руках.

Однако на этот раз Ли Сянфу не стал послушно кивать.

Во-первых, следующим его шагом должно было стать развитие собственного дела. Во-вторых, если он станет приписывать свои заслуги другому, а обман со временем раскроется, у того за спиной встанет родной отец, а виноватым и крайним окажется сам Ли Сянфу.

Заметив его замешательство, младший муж посмотрел на него со все возрастающим холодком.

Ли Сянфу сработал на опережение: он поднялся и, склонив голову в поклоне, произнес:

— Бабушка торопит меня с переписыванием буддийских сутр.

С этими словами он повернулся и вышел.

Провал переговоров означал окончательный разрыв. Едва Ли Сянфу переступил порог, как раздался голос Системы:

— Его последний взгляд был полон яда. Будь осторожен в ближайшее время.

Ли Сянфу кивнул.

Даже уступить ради вида было недопустимым риском: зная натуру этого мужчины, тот незамедлительно потребовал бы от него исполнения обещаний.

— Пока я был несовершеннолетним, мне приходилось во всем от него зависеть. Но теперь этому пришел конец.

Раздел садов был намечен на шестой месяц, а сейчас стоял лишь четвертый — в запасе оставалось целых два месяца.

После того как их разговор закончился ничем, младший муж не предпринимал поспешных шагов. Почти целый месяц Ли Сянфу жил в абсолютном спокойствии.

В тот день Ли Сянфу вышивал у себя в комнате. За окном мерно шуршал дождь, и движения иглы с нитью словно подчинялись этому ритму.

— Ночью из-под земли доносились звуки, — произнесла Система.

Вытягивая красную нить, Ли Сянфу замер на полудвижении, прищурился и усмехнулся:

— Семья Хань только на подобное и способна.

— Если я не ошибаюсь, — продолжила Система, — он вознамерился впустить волка в дом: нанял людей, чтобы те прорыли подземный ход в твою спальню и осквернили твою честь.

— Засомневалась?

— Пока хозяин спал, я немного подслушала их разговоры.

Ли Сянфу с улыбкой отложил иглу, подошел к окну и поставил ладонь под капли дождя.

Вглядываясь в пейзаж за окном, он неторопливо произнес:

— Доносить об этом не имеет большого смысла.

Раз Семья Хань дерзнула нанять людей, он наверняка держит их на крючке и уверен, что те не проронят ни слова на допросе. Ли Сянфу лишь недавно укрепил свое положение, и без неопровержимых доказательств Старая владычица из желания сохранить лицо семьи просто спустит все на тормозах.

— Что хозяин намеревается делать?

Ли Сянфу спокойно улыбнулся:

— Матушка влюбчива и ветрена, а в доме хватает тех, у кого нет детей и кто панически боится увядания с годами. Я наблюдал за ними несколько лет, и один человек вполне подходит для сотрудничества.

— Кто?

— Чжао Люэр.

Три дня спустя в поместье произошло громкое событие. Один из слуг услышал подозрительный шум неподалеку от покоев девятого молодого господина и вовремя доложил управляющему. Опытный и искушенный управляющий мгновенно понял, что дело нечисто, скрытно донес обо всем Старой владычице, а затем подозвал нескольких владеющих боевыми искусствами охранников и быстро выследил тех, кто тайно копал подземный ход.

Поднятый в ту ночь шум был немалым. Сын младшего мужа не выдержал и в досаде воскликнул:

— Как досадно! Еще бы один день — и ход был бы готов!

Младший муж невозмутимо ответил:

— К чему спешка?

Видя, что тот спокойно потягивает чай, сын младшего мужа, Ли Лошу, принялся ходить взад-вперед по комнате:

— На том праздновании в честь любования цветами Императрица, кажется, проявила благосклонность к Ли Сянфу. Если он однажды возвысится...

Чашка с грохотом опустилась на стол. Достав платок, младший муж вытер капли воды со своих пальцев:

— Ты должен понимать: некоторые вещи зависят исключительно от людских языков.

Ли Лошу замер в замешательстве.

— Ну и что, если ничего не произошло? Два года назад сына Семьи Чэнь похитили разбойники, и его удачно спасли стражники. Ничего дурного с ним не случилось, но разве слухи и сплетни не вынудили его в итоге повеситься, чтобы сохранить честь семьи?

В глазах Ли Лошу мелькнуло озарение:

— Вы хотите сказать... воспользоваться слухами?

Младший муж жестоко ухмыльнулся и кивнул.

Промучившись большую часть ночи, Старая владычица до сих пор не спала — ее одолевала сильная головная боль. Личный слуга шепнул ей пару слов, и Старая владычица кивнула:

— Впусти его.

Спустя пару мгновений вошел мужчина с изысканными и утонченными манерами — это был тот самый Чжао Люэр, о котором ранее упоминал Ли Сяньфу. Он жил в усадьбе уже пять лет и благодаря своему кроткому нраву и познаниям в медицине считался одним из самых любимых зятьев Старой владычицы.

Приветствовав ее по всем правилам, Чжао Люэр поставил целебный отвар:

— Я специально добавил туда лилию и валериану, они отлично успокаивают нервы. Попробуйте, пожалуйста.

<http://bllate.org/book/18300/1757227>